

Евгений Деменок

Бугаз, любовь моя

Каролино-Бугаз, Каролино,
видно, кто-то с тобой пошутил,
островное, округлое имя
на тебя обронив по пути.
Хлебной корочкой, долькой лимонной,
птичьей просекой в синем лесу
между морем и стылым лиманом
два прибоя качают косу.
И по белым твоим, по горбатым,
по горячим, по горьким твоим,
по пескам никаким акробатам
не пройти, не пробраться – двоим.
Никому. Ну, а нам – и подавно.
Два побережья, а берега нет.
Только паруса вымысел дальний,
Корабельный прибившийся след...
Каролино-Бугаз. Переливом,
перекатом, морщинкой у глаз,
так приходит волна – каролино,
так она ударяет – бугаз...

Юрий Михайлик

Как сказал однажды Михаил Михайлович Жванецкий, Одесса никогда не была курортным городом – здесь все занимались своими делами, а между ними болтались отдыхающие. По этому поводу есть много шуток, выросших из были, одна из них такая –

если летом на улице ты увидишь совершенно не загорелого человека, знай, это одессит.

– Ты уже был на море в этом году?

– Нет, в городе вода грязная, а на Бугаз поехать некогда.

В Одессе всегда считалось, что самая чистая вода – на Бугазе.

Каролино-Бугаз. Удивительное место. Десятки километров песчаных пляжей. Чайки и редкие высохшие кусты вдоль моря. Железнодорожная насыпь и колея, через которую нужно переходить, а иногда перебежать, чтобы попасть на пляж. Узкое место, где от Днестровского лимана до моря рукой подать. Именно туда прибило однажды во время зимнего шторма два корабля, хотя – каких корабля, папа еще с детства научил меня, что корабли бьют только военными, а все пассажирские и грузовые – это пароходы. Мы приезжали потом смотреть на эти пароходы – на них легко можно было взобраться, ржавеющие громадины внушали какой-то непонятный трепет. Потом их разрезали на части и увезли. С другой стороны узкой песчаной полосы, уже на лимане, долго стояло судно-гостиница, старая советская посуда, которая в конце концов сгорела.

Много лет спустя я задумался – откуда такое странное название? Это было позже, гораздо позже. В детстве такие вопросы не возникают, а названия кажутся естественными. Так ведь и должно быть, не правда ли? Фонтан – я вырос на Фонтане. Ланжерон. Аркадия. Каролино-Бугаз.

Я влюбился в Бугаз лет в двенадцать. Мы поехали тогда на дачу к родителям тетиного мужа. Родители были профессорами, преподавателями сельхозинститута, кажется. В советское время преподавателям одесских вузов давали участки земли на Бугазе. Это была привилегированная каста. Остальные могли об этом лишь мечтать. Дача на Бугазе... Карьеру получившего там участок можно было смело считать успешной. И это притом, что тогда – так же, как и сейчас, – на длинной узкой песчаной косе не было никаких удобств, кроме часто выключаемого электричества. Вместо канализации – выгребные ямы, вместо водопровода – колодцы, рыть которые нужно прямо в песке, и лишь опытный мастер может найти водоносный слой. Воду грели просто – на крыше самодельного душа устанавливали металлические,

а позже – пластмассовые баки, куда насосами накачивали из колодцев воду, и она за день нагревалась на солнце. Никакого газа – в лучшем случае баллонный. И комары, комары... Зеленые лиманские комары повсюду.

Местная легенда гласит, что в конце брежневской эпохи на Бугаз каким-то чудом занесло всемогущего Михаила Сулова. И что же? Результат вполне предсказуемый – он влюбился. Влюбился в этот горячий песок, бесконечное море, в этот воздух, невероятную смесь морского соленого ветра и речного запаха Днестра, лимана...

Ну, не знаю – может, у него все было по-другому, но именно в это влюбился я. А Сулов – Сулов решил привнести на Бугаз цивилизацию, сделать из него всесоюзный курорт. И на деньги профсоюзов начали строить два пансионата-тысячника. Недостроенные корпуса их и сейчас стоят на песке, у воды, напоминая о величии и крахе СССР. Но тогда это было совершенно естественным и правильным решением. Бессарабия была и остается «медвежьим углом» страны – это ее крайняя, пограничная точка. Это касалось любой страны, в состав которой она входила. Когда-то она была дальней окраиной Римской империи, и я, например, очень горд этим. Валы Траяна сохранились до сих пор, и «черные археологи» все еще находят в них древние монеты, принадлежавшие когда-то солдатам римских легионов. То был второй век нашей эры – эпоха наибольшего величия Рима. Бессарабия была тогда пограничьем между диким и цивилизованным миром. Граница между этими мирами всегда проходила по Дунаю, и не всегда эти миры мирно уживались друг с другом. Соединить их удалось когда-то грекам – за семь столетий до нашей эры они смогли найти общий язык со скифами, и греческие торговые полисы Северного Причерноморья стали на многие столетия очагами цивилизации. Каждый из античных городов Причерноморья прошел свой собственный путь, у каждого – своя история. Никоний, на раскопках которого мне посчастливилось найти обломок чернолаковой ионийской пелики, существовал почти восемьсот лет, пережив войны и разрушения. Тира – почти тысячу. Куда подевались все те черепки, которые мы с детства привозили оттуда, из-под крепости?

Бессарабия могла стать частью империи Александра Македонского, но этого не случилось – полководец Александра, наместник Фракии и Понта Зопирион со своим тридцатитысячным войском потерпел сокрушительное поражение от граждан греческого же полиса Ольвии, их союзников-скифов и погиб на обратном пути, где-то в бессарабских степях. Персидский царь Дарий I, тот самый великий Дарий, прошел со своим войском по Бессарабии, по Буджакской степи, которую даже называли пустыней, в погоне за скифской армией, но сражения так и не состоялось, и Дарий вынужден был вернуться восвояси. Легенда гласит, что сам Аттила похоронен на территории Бессарабии, и, чтобы никто не нашел его могилу, специально отвели воду одного из рукавов Дуная, а может быть – и озера Ялпуг, и теперь могила находится под толщей воды. Потом, много столетий спустя, Бессарабия стала окраиной Османской империи, затем – империи Российской. Почти двадцать лет в составе Румынии в начале прошлого века вроде бы дали толчок к развитию, но и тут Бессарабия – самый бедный, самый отсталый регион. Ну а потом – крайняя юго-западная точка огромного Советского Союза. И хотя в Измаиле и Рени работали тогда аэропорты, а Дунайское пароходство процветало, эта земля все равно оставалась окраиной. Так что Суслов был прав, ой как прав. И кто знает, как могла бы развиваться эта территория, как мог развиваться Бугаз, если бы начатое тогда довели до конца.

Но когда я в первый раз приехал на Каролино-Бугаз, я ни о чем таком не думал. Я наслаждался солнцем, бесконечными, бескрайними пляжами с горячим песком, морем, которое было таким разным – один день тихим и ласковым, и можно было плыть вперед, насколько хватало сил, пока берег не превращался в узкую полоску, а рядом были только чайки; если знать правильные места, можно было далеко в море найти отмель и отдохнуть на ней. Я лежал на спине в воде, смотрел в небо и думал о том, что там, за горизонтом, турецкий берег, а еще дальше – Средиземное море, Греция, откуда приплыли к нам двадцать пять веков назад торговцы и мореплаватели, приплыли и сочинили потом мифы об амазонках, живших в этих краях, о подвиге Геракла, отобравшего у царицы этих самых амазонок Ипполиты пояс, о душе Ахилла, перенесенной после смерти на остров Левка, который мы знаем как Змеи-

ный... А на следующий день на море был шторм, и мы прыгали в накатывающую волну, она выносила нас на берег, иногда переворачивая и больно царапая о ракушки, но это была ерунда, мелочь по сравнению с тем ни с чем не сравнимым наслаждением, которое дарит шторм на море. Во время одного из таких штормов много лет спустя волны унесли наш надувной матрас – мы смотрели ему вслед и смеялись, представляя себе, как, должно быть, удивится, увидев его со своего мостика, капитан парохода, а может быть, какой-нибудь житель Синопа или Трабзона найдет его выброшенным на берег. Скорее же всего, он станет плавучей базой отдыха для чаек, которые в конце концов пробьют его своими клювами, и он найдет свое последнее пристанище на дне морском.

В ту самую первую поездку на Бугаз я взял с собой книгу Альберто Моравиа «Римские рассказы». Я начал читать рассказы в электричке, ехавшей на станцию Солнечная; электричка была переполнена, и сначала приходилось читать стоя; потом мне удалось примоститься на краешке сиденья, и тетин сын, мой двоюродный брат, сказал фразу, которую я помню до сих пор: «Лучше плохо сидеть, чем хорошо стоять». Возможно, возможно, но тогда мне было решительно все равно. Ничто не могло омрачить моего настроения. Мальчишкам в двенадцать лет вообще трудно испортить настроение. Я предвкушал встречу с морем и незаметно погружался в римскую жизнь, ходил с автором по римским улочкам, так что Бугаз с тех пор четко и неразрывно ассоциируется для меня с Италией. Улицы Рима невероятным образом смешались у меня с виноградом, росшим на даче прямо из песка, – нужно было внимательно смотреть под ноги, чтобы не зацепиться за лозу; с горячими еще помидорами и огурцами, сорванными только что с куста и поданными к столу, стоявшему в открытой деревянной беседке; с биточками из тюльки и жареными бычками, которые еще утром плавали в море. Уже потом, много позже, когда я обзавелся собственной дачей на Бугазе, я не раз заставал удивительное явление – выброс сероводорода, когда рыба в поисках кислорода сама всплывала на поверхность, и ее можно было ловить чуть ли не руками. Тогда дачники и их гости пиروвали. Кстати, выбросы сероводорода ведут прямым путем еще к одной легенде, которыми так изобилует Северное Причерноморье, –

к легенде о Потопе. Да-да, о том самом, библейском Потопе. Давно уже доказанным фактом является то, что Черное море дважды за свою историю было пресноводным озером, на берегах которого возрождалась цивилизация после очередного ледникового периода. Пять-шесть тысяч лет назад Босфорского пролива не существовало, и соленые воды мирового океана превышали уровень пресноводного озера минимум на сто метров. После масштабного землетрясения скала на месте Босфора треснула, и соленая вода водопадом хлынула в озеро, создавая страшный шум и уничтожая всю пресноводную живность и растительность. Именно в Северо-Западном Причерноморье, то есть в наших местах, произошло наибольшее затопление. А морская растительность, погибшая под толщей соленой воды, попросту сгнила без кислорода, превратившись в сероводород. Ни в одном другом море на планете ничего подобного нет – мы и здесь уникальны.

После того самого первого визита я влюбился в Бугаз безоговорочно и бесповоротно. Как оказалось позже, я был в хорошей компании. Легендарный одесский художник Юрий Егоров каждое лето старался проводить на Бугазе – с его холстов на нас смотрят море и солнце, которые бывают только там, на узкой песчаной косе. Их можно рассматривать бесконечно, и я рискну предположить, что фирменный егоровский изогнутый горизонт появился впервые именно там, среди бесконечного моря и бесконечного пляжа.

Бессарабия полна легенд, загадок, исторических и культурных ассоциаций. Проезжая устье Днестра, а точнее – Днестровского лимана по разводному мосту, я иногда думаю о том, что здесь еще каких-то восемьдесят-девять лет назад проходила государственная граница, которую так неудачно пытался перейти Остап Бендер, и гораздо удачнее – многие из эмигрантов, бежавших из Одессы от большевиков. Пытаюсь представить себе сторожевые вышки, строгих пограничников с собаками – но безуспешно, атмосфера Бугаза располагает только к благодати, неге и наслаждению жизнью. А перед Бугазом, за несколько километров, находится село Роксоланы – все знают, что там растет самая вкусная картошка. Нет, легендарная Роксолана не родилась в этом селе и не выращивала в нем картошку – и оно, и, скорее всего,

она названы по имени одного из древних западносарматских племен, жившего в тех местах. Кстати, еще Геродот писал, что сарматы произошли от амазонок, вышедших замуж за скифов. А еще он писал, что их женщины «ездят верхом на охоту с мужьями и без них, выходят на войну и носят одинаковую с мужчинами одежду... Ни одна девушка не выходит замуж, пока не убьет врага». Понятно теперь, откуда у Роксоланы такой характер.

Принято считать, что сезон на Бугазе длится три месяца. Учитывая, что туристы приезжают не раньше половины июня – и все два с половиной. Поэтому главная задача собственников дач и мини-отелей, которые растут на песке быстрее грибов, – окупить свои инвестиции. Спускаясь с горки и въезжая из Каролино-Бугаза в Затоку – а они переходят друг в друга без всякого промежутка, – сбросьте скорость, чтобы не задеть отдыхающих в купальниках и шлепках, а главное – чтобы внимательно рассмотреть десятки гостиниц и дач, украшенных табличками «Сдается номер» и «Сдам комнату». Бабушки Бугаза и Затоки не продают у дороги семечки. Они заняты гораздо более важным делом – они продают номера.

После того как место для жилья выбрано, можно заняться главным: рано утром выйти на пляж, выбрать место получше, улечься на прохладный еще песок и любоваться рассветным небом; когда солнце взойдет окончательно и появится настоятельное желание бросить разгоряченное тело в воду – не отказывать себе в этом желании и после секундной адаптации превратиться в морского тюленя, котика, плещущегося у берега, или, наоборот, в дельфина – и плыть все дальше и дальше от берега в этом бесконечном ласковом море. Вдоволь накупавшись, выйти на берег и быстро, чтобы не обжечь ноги, перебежать по раскаленному песку, упасть на подстилку, чувствовать всем телом жару и возбуждать аппетит, слушая бесчисленных коробейников и зазывал.

Пляж на Бугазе тянется на многие километры. Десятки коробейников с едой бредут навстречу друг другу, текут, как ручейки муравьев, расхваливая на разный манер свой товар.

Бодро:

- Холодное пиво, рыбка, кальмары, креветки, мидии!
- Вареные раки! Рапаны!

По-деловому:

– Песочные рогалики! Вишня ассорти!

Заунывно:

– Сладкая вата...

Тут трудно проголодаться. Десятки мужских и женских голо-
сов почти ежеминутно:

– Горячие хачапури!

– Мороженое! Пломбир, клубничное, шоколадное, дынное!

– Трубочки со сгущенкой и арахисом! Плацинды! Рогалики!

– Горячие пирожки! С картошкой, капустой, мясом! Чебурэки!

– Горячая сахарная кукуруза!

И особенно это:

– Медовая пахвала!

И даже так:

– Сладкая бахвала!

Так и хочется похвалить продавца.

Нагуляв таким образом аппетит, лучше всего съесть шашлык с овощами в одном из многочисленных местных кафе и удалиться к себе в комнату. Послеобеденный сон – это святое. Нужно набраться сил перед вечерним купанием и ночными танцами; а если вы приехали в правильное время – и перед ночными концертами, ведь знаменитый Джаз-Коктебель проходит теперь в Затоке.

Принято считать, что сезон на Бугазе длится три месяца. Но – одесситам везет. Они могут начать его гораздо раньше. Кто-то начинает купаться в апреле; кто-то не прекращает купаться круглый год. Ну а уж не открыть купальный сезон на майские праздники просто грех.

Я же больше всего люблю приезжать на Бугаз осенью, когда бескрайние пляжи становятся пустыми, море – кристально прозрачным, и ты остаешься с ними один на один. Только ты, море и песок. И солнце, почти летнее иногда солнце – если повезет застать теплый солнечный день. Гостиницы дорабатывают последние дни сезона, кафе уже закрыты, и везде царит атмосфера не то чтобы запустения – но легкой грусти, той грусти, в которой больше радости.

Каролино-Бугаз – волшебное место, куда хочется возвращаться вновь и вновь. Хотя – какое хочется? Необходимо. Когда-то

мы проводили там все летние месяцы, сейчас эти времена уже прошли, но каждый май мы начинаем чувствовать легкий зов, непонятное влечение, которое усиливается и становится почти нестерпимым в августе; невозможно провести год без того, чтобы хоть на одни выходные приехать на Бугаз, обязательно переночевать там, почувствовать его, вдохнуть его воздух и очередной раз признаться в любви к нему.

Много лет я наслаждался Бугазом, и мне не было никакого дела до того, почему же он так назван. Откуда у него это «островное, округлое имя» – как в стихотворении Юрия Михайлика. Но любовь к родным местам неизбежно перерастает в страсть к краеведению, а страсть эта не только неизлечима, но с годами прогрессирует. И я взялся изучать историю этого благословенного края.

Каролино-Бугаз. Каролино...

Откуда же взялось такое странное название?

Вот откуда.

Очевидно, что Бугаз – производное от «богаз», тюркского слова, обозначающего пролив. Татарское селение Бугаз известно с конца XVIII века. Во время русско-турецкой войны 1787–1791 годов оно было уничтожено. После окончания войны, закончившейся победой России и заключением Ясского мира, территория эта вошла в границы земельного участка, выделенного под дачу Адриану Моисеевичу Грибовскому, одному из доверенных лиц Платона Зубова, фаворита императрицы Екатерины II. Сам Адриан Грибовский был кабинет-секретарем императрицы в последний год ее правления, что стало пиком его карьеры. За заслуги во время русско-турецкой войны – а Грибовский служил в Военно-походной канцелярии князя Потемкина и даже исполнял обязанности конференц-секретаря во время Ясского конгресса – в 1792 году он получил земельные наделы на отошедших к России землях, на левом берегу Тилигульского лимана и на левом берегу Днестровского лимана. Его именем названо село Грибовка, расположенное в пяти минутах езды от Каролино-Бугаза. Это стало для меня открытием – еще одно привычное название из детства вдруг обрело свой смысл, свою историю.

Адриан Грибовский, носитель императорского имени, оставил свой след в истории Одессы. Мот и весельчак, любитель музыки,

имевший свой оркестр и сам игравший на скрипке Страдивари, он составил текст рескрипта об основании Одессы и даже хвастал, что это именно он предложил императрице переименовать Хаджибей, назвав его в честь древнегреческого поселения Одессос, только на женский манер.

Со смертью Екатерины II карьерный рост Грибовского прервался; в его жизни началась черная полоса – он был отстранен от всех должностей, выслан из Санкт-Петербурга, а позже, обвиненный в многочисленных нарушениях – заключен в Петропавловскую и в Шлиссельбургскую крепости. Чтобы уплатить необходимые взыскания, он продал в 1802 году земли на берегу Днестровского лимана.

Так у Бугаза появился новый хозяин – польский шляхтич граф Игнаций Сцибор-Мархоцкий, личность ничуть не менее, а, по правде говоря, даже более значимая и экстравагантная. Достаточно сказать, что Игнаций Сцибор-Мархоцкий, вольтерьянец и вольнодумец, объявил на подвластных ему землях свое собственное Миньковецкое государство и даже установил по периметру пограничные столбы – с одной стороны с Российской империей, с другой стороны – с Австро-Венгрией. В 1795 году он отменил крепостное право, создал двухпалатный парламент и городское самоуправление, уравнил в правах католиков и протестантов и дал широкие права евреям. Мархоцкий печатал собственную валюту, написал для своих подданных конституцию, издал на латыни свод собственных законов и вершил по ним правосудие в своих же собственных судах. И все это – будучи юридически в составе Российской империи. Звучит несколько ошеломляюще, не правда ли?

Графу тоже пришлось испытать все превратности судьбы – его обвинили в том, что он ввел в своих владениях культ богини Цереры; в том, что сам вершил бракосочетания по собственному, а не церковному обряду; в том, что построил непонятные тогдашним властям сооружения – Храм мира, святилище в честь Жан-Жака Руссо... Процесс над ним длился четыре года, его дважды сажали за решетку. И только вмешательство искренне любящих подданных – украинцев, поляков, евреев, которые написали письмо императору Александру I в защиту своего правителя, который был «отцом, а не хозяином своим подданным», спасло его.

Экстравагантный хозяин записал земли у Черного моря и Днестровского лимана на имя жены, итальянки Евы Руффи, и «государство» это назвал Руффиполис. Это была большая территория к югу от Овидиополя, на которой расположены сейчас Грибовка, Каролино-Бугаз и Роксоланы. Правда, справедливости ради нужно отметить, что в Руффиполис из Миньковецкого государства отправляли в ссылку провинившихся. Можно считать, что им крупно везло – их ссылали на курорт. А само селение Бугаз было снова заселено в 1824 году сыном Игнация – Каролем Сцибор-Мархоцким; в честь него и получил Бугаз свое второе название – Каролино. Название это впервые упомянуто в завещании Игнация Сцибор-Мархоцкого от 14 декабря 1822 года. Так появился Каролино-Бугаз.

Кстати, село Роксоланы тоже получило свое имя благодаря Мархоцкому – именно он переименовал бывшее селение Бузиновата (Бузинавода) в Роксоланы – новое название также было указано в его завещании.

После смерти Игнация Сцибор-Мархоцкого и до 1918 года Каролино-Бугаз принадлежал семье Ингистовых – за Николая Ингистова вышла замуж дочь Игнация и сестра Кароля Эмилия.

Эта земля помнит голоса греческих мореплавателей и ираноязычную речь скифов и сарматов, поступь римских легионов и гул персидской конницы, нашествие гуннов и великое переселение народов, молдавских господарей и генуэзских купцов, русско-турецкие войны и битвы второй мировой войны.

Но время словно не властно над ней.

Она вечно молода и прекрасна. Она дарила и дарит радость каждому.

Маленькая точка на карте – и большое место в сердце.

Бугаз, любовь моя.

